

*Страдания
юного Вертера*

КНИГА ПЕРВАЯ

С усердием и заботливостью собрал я все, что удалось мне разузнать об истории бедного Вертера, и предлагаю ныне на суд читателей, нисколько не сомневаясь в том, что примут они сию повесть с благодарностью. Ум и сердце моего героя не могут не вызывать в них любви и восхищения, а судьба — слез сострадания.

Те же, кому ведомы искушения и муки, выпавшие на долю бедного Вертера, да почерпнут утешение в печальной участи его, книжка же сия да заменит им друга, коль скоро не смогли они обрести оно по воле рока или по собственной вине.

4 мая 1771 г.

Как рад я, что уехал! Драгоценный друг мой, что за загадка — сердце человека! Оставить тебя, столь любимого мною, тебя, с кем был я неразлучен, — и радоваться! Ты простишь меня, я знаю. Ведь все иные мои привязанности словно нарочно посланы были мне судьбой, чтобы поселить в моем сердце страх и смятение. Бедняжка Леонора! Однако я не чувствую за собой вины. Разве виноват я в том, что, пока своенравные прелести ее сестры доставляли мне приятное развлечение, в этом бедном сердце зарождалась страсть? И все же — так ли уж я безгрешен? Разве не питал я вольно или невольно хрупкие ростки ее чувства? Разве не находил

для себя некую отраду в искренних проявлениях души, кои столь часто служат нам источником веселья, не заключая, однако, в себе ничего смешного? Разве не был я... О, что за создание — человек, коему дано судить самого себя! Но я исправлюсь, друг мой, непременно исправлюсь, обещаю тебе, что не стану более вновь и вновь пережевывать те мелкие огорчения и неприятности, что преподносит нам судьба, как поступал я прежде; я буду наслаждаться сегодняшним днем, вчерашний же пусть остается в прошлом. Ты прав, дорогой друг мой: страданий было б меньше средь людей, когда б они — бог весть, отчего они так устроены! — не предавались с такою неутомимою силою воображения любимому своему занятию: воскрешению в памяти минувших бед и огорчений, вместо того чтобы жить отнюдь не менее значимым сегодняшним днем.

Сделай милость, передай моей матушке, что поручение ее выполнил я наилучшим образом и вскоре извещу ее обо всем подробно. Я поговорил с тетушкой и не нашел в ней решительно ничего общего с той злой ведьмой, каковою прослыла она в нашем семейном кругу. Это весьма живая женщина, хотя и строгого нрава, но с необыкновенно добрым сердцем. Я изложил матушкины жалобы по поводу удерживаемой ею нашей доли наследства; она привела свои доводы и причины и назвала условия, при которых готова отдать все и даже более того, что нам причитается. Впрочем, не стану сейчас распространяться об этом предмете; скажи матушке, что все уладится к ее полному удовлетворению. Должен заметить, однако, друг мой, история сия лишний раз убедила меня в том, что недоразумения и косность, пожалуй, производят в мире больше неприятностей, нежели злоба и коварство. Во всяком случае, последние определенно встречаются в жизни реже.

Чувствую я себя здесь превосходно. Одиночество весьма благотворно действует на мою душу в сей рай-

ской местности, а весенняя пора, точно созданная для юности, обильно согревает мое зябкое сердце. Каждое дерево, каждый куст кажется букетом цветов, так что хочется, обратившись майским жуком, пуститься по волнам благовоний и пить нектар.

Город сам по себе неказист, зато окрестности полны невыразимой красоты. Сие обстоятельство побудило покойного графа М. разбить сад на одном из холмов, кои, причудливо пересекаясь друг с другом, сходясь и вновь расходясь, образуют восхитительнейшие долины. Сад незатейлив; входя в него, тотчас же замечаешь, что план его начертан был не рукою ученого садовника, но чувствительным сердцем, искавшим здесь уединения и покоя. Не раз, сидя в ветхой беседке, любимом прибежище усопшего, а ныне и моем прибежище, ронял я слезу, помяная прежнего хозяина. Вскоре я стану полноправным владельцем этих куц; садовник уже успел привязаться ко мне, и я постараюсь не разочаровать его.

10 мая

Душа моя полна света и радости, как эти лучезарные весенние утра, которыми наслаждаюсь я с неистовою жаждой. Я совсем один и радуюсь своей новой жизни в здешних краях, словно созданных для таких душ, как моя. Я так счастлив, друг мой, так упоен чувством мира и покоя, что даже искусство мое страдает от этого. Ибо я решительно не могу рисовать, не в силах сделать даже штриха, а вместе с тем никогда еще прежде не чувствовал я себя художником более искусным, нежели в эти мгновенья. Когда вокруг меня дымится туманом долина, а полуденное солнце недвижно висит над непроницаемым пологом темного леса и лишь редкие лучи украдкой просачиваются в его священный мрак; когда я, лежа в высокой траве у шумного ручья,

вперив взор в густую, пеструю сеть, сотканную из бесконечного множества былинки, внимаю голосу этого крохотного мира, населяемого мириадами загадочных, непостижимых букашек, у самого моего сердца и чувствую присутствие Всемогущего, сотворившего нас по образу и подобию Своему, дыхание Вселюбящего, несущего нас в Вечность на облаке нескончаемого блаженства, чувствую, как окружающий меня мир и небо покоятся в самой душе моей, словно образ возлюбленной, — тогда меня порою охватывает тоска, и я думаю: ах, если б мог я выразить все это, напечатлеть на бумаге то, что так полно, так горячо живет во мне, дабы образы эти сделались зеркалом моей души, подобно тому как душа моя есть зеркало предвечного Бога! Но, друг мой, бремя этого чувства, сладостное иго прекрасного слишком тяжело, оно грозит раздавить меня.

12 мая

Не знаю, кому или чему обязан я тем, что все вокруг представляется мне райскими кущами, — коварным духам ли, незримо витающим в сих краях, или собственной фантазии, распяляющей мое сердце. Есть в здешних окрестностях источник, к коему прикован я волшебными чарами, точно Мелюзина со своими сестрами. Спустившись с небольшого холма, вдруг оказываешься ты перед сводами, под сенью которых лестница ступеней в двадцать ведет вниз, где из мраморной скалы бьет хрустальный ключ. Каменная ограда наверху, окаймляющая тенистую рожицу, прохлада — все это притягивает меня с неодолимою силою, точно некая сладостно-жуткая тайна. Я всякий день навещаюсь туда и провожу там час или более. Приходят из города девушки за водой — безобиднейшее и насущнейшее занятие, коего не чурались некогда и царские дочери. И, сидя у источника, я столь остро чувствую патриархальную жизнь,

столь живо воображаю, как праотцы наши сводили у колодца знакомство друг с другом, встречали здесь своих суженых, и словно слышу, как реют вокруг колодцев и источников добрые духи. О, понять мои чувства способен лишь тот, кому хоть однажды довелось после долгой, утомительной прогулки жарким днем наслаждаться прохладой лесного ключа.

13 мая

Ты спрашиваешь, не прислать ли мне мои книги. Заклинаю тебя, дорогой мой: избавь меня от сей напасти! Я не желаю более назиданий, ободрений, прищипываний, ибо сердце мое и без того кипит, не ведая покоя; мне надобна, напротив, колыбельная песнь, которую и нашел я здесь с преизбытком в моем Гомере. Как часто баюкаю я свою волнующуюся кровь! Более своевольного, более мятежного сердца не сыскать во всем свете. Дорогой мой, мне ли говорить это тебе, тому, кто так часто принужден был горестно взирать на мои перемены от печали к безудержному веселью, от сладостной меланхолии к губительной страсти? Вдобавок я еще и пестую свое взбалмошное сердечко словно больное дитя, беспрекословно исполняя все его капризы. Однако ж не передавай никому моих признаний; есть люди, которые сурово осудят меня за них.

15 мая

Простолюдины сего городишки уже знают и приветчают меня, особенно детвора. Между тем сделал я одно печальное наблюдение: когда в начале своего пребывания здесь я заговаривал с ними, дружелюбно расспрашивая о том о сем, некоторые из них думали, что я насмехаюсь над ними, и отвечали мне грубостью. Но это не оттолкнуло меня от них; я лишь отчетливее чувств-

вовал то, что давно уже заметил: люди, принадлежащие к привилегированным сословиям, нарочито холодны с простым народом и стараются держаться от него подальше, словно опасаясь навредить себе близостью к низшему званию; впрочем, встречаются среди них ветреники и злые насмешники, будто бы снисходящие до бедняков, чтобы тем болезненнее выказать им свое высокомерие.

Я знаю, равенства меж нами нет и быть не может, однако же держусь того мнения, что человек, почитающий необходимым сторониться так называемой черни, дабы возвыситься в глазах окружающих, подобен трусу, бегущему от врага из страха перед поражением.

Недавно был я вновь у источника и повстречал там молоденькую служанку, поставившую свой кувшин на нижнюю ступеньку лестницы и поглядывавшую наверх в ожидании других девушек, которые помогли бы ей водрузить его на голову. Я спустился вниз и посмотрел на нее.

— Дозвольте помочь вам, сударыня, — молвил я ей.

— О нет, что вы, сударь! — отвечала она, зардевшись, как маков цвет.

— Ну же, без церемоний, — настаивал я.

Она поправила круглую подушечку на голове, и я поставил на нее кувшин. Поблагодарив, она стала подниматься наверх.

17 мая

Я свел множество знакомств, хотя и не вхож покамест ни в один дом. Не знаю, чем могу я быть столь привлекателен для окружающих: многим я тотчас прихожусь по нраву, они охотно составляют мне компанию, разделяя со мною часть пути, и мне грустно расставаться с ними, если пути наши скоро расходятся. Если спросишь ты, каковы люди в этом местечке, я должен

буду ответить: как и в любом ином! С родом людским всюду дело обстоит одинаково. Большинство трудится не покладая рук, чтобы жить, те же крохи свободы, что остаются им, так пугают их, что они торопятся избавиться от них любыми способами. Вот удел человека!

Однако народец славный! Когда порою, забывшись, я разделяю с ними те немногие радости, что жизнь все же дарует человеку, — благочинное застолье, сдобренное простодушными дружелюбными шутками, конную прогулку по окрестностям, танцы и тому подобные увеселения, — это производит на меня весьма благотворное действие; главное не вспоминать в эти минуты о других силах, томящихся во мне и пропадающих втуне, которые принужден я усердно скрывать. Ах, как это теснит сердце! Увы, быть непонятым есть печальный жребий таких, как я.

О, зачем не стало подруги моей юности! Зачем только судьба свела меня с нею! Я сам говорю себе: глупец! ты ищешь то, чему нет места под луною! Но ведь была же она, я чувствовал это сердце, эту необыкновенную душу, перед которыми и сам я казался себе чем-то большим, чем был в действительности, ибо я был всем, чем только мог быть. Боже праведный! Во мне поистине не оставалось в те дни ни единой силы, лежащей под спудом. Перед нею рождалось во мне во всей полноте своей то дивное чувство, что позволило мне объять сердцем весь мир. Встречи наши были благодатнейшею почвою, на которой непрестанно возрастали и распускались цветы тончайших ощущений, остроумнейших мыслей и шуток, и все эти проявления духа, равно как и множественные вариации их, отмечены были печатью гениальности. И вот, все исчезло! Она была старше меня годами и рано сошла во гроб. Никогда не забыть мне ее светлого ума и всепрощающей, ангельской кротости.

Несколько дней тому назад встретил я некоего Ф., открытого, приветливого юношу чрезвычайно прият-

ной наружности. Он только что вышел из университета и, хотя не считает себя мудрецом, но полагает, что знает более других. Впрочем, на студенческой скамье был он, кажется, отменно усерден, что могу я заключить по многим признакам, словом, имеет весьма недурные познания. Услыхав, что я рисую и владею греческим (явления, для здешних мест равные по значению падению метеоритов), поспешил он отрекомендоваться мне и усердно старался осчастливить собеседника сведениями из всех областей, от Баттё до Вуда, от Де Пиля до Винкельмана, уверяя между прочим, что от начала до конца прочел первую часть теории Зульцера и что имеет вдобавок рукопись Гейне об изучении Античности. Я не стал подвергать сомнению сии уверения.

Познакомился я еще с одним славным господином, княжьем амтманом¹, человеком общительным и простодушным. Сказывают, будто его непременно надобно видеть в кругу его детей, коих у него девять; мол, сие есть на редкость отрадное зрелище. В особенности же хвалят старшую дочь его. Он пригласил меня к себе, и я намерен посетить его в один из ближайших дней. Живет он в княжьем охотничьем замке, в полутора часах отсюда, куда позволено было ему переселиться после кончины его супруги, так как пребывание в городе и в казенной квартире еще более усугубляли его скорбь.

Попадалось мне также с полдюжины юродствующих оригиналов, в коих все невыносимо, наипаче же — их дружба.

Прощай! Письмо мое придется тебе по вкусу, ибо имеет характер исключительно повествовательный.

¹ Уездный судья; управляющий (нем. Amtmann). (Примеч. перев.)

22 мая

То, что жизнь человеческая есть всего лишь сон, замечали уже многие; вот и я неразлучен с этим ощущением. Когда я думаю об узилище, в коем заключены созидательные творческие силы человека, когда вижу я, что все действие их сводится исключительно к удовлетворению потребностей, не имеющих иной цели, кроме как продлить наше жалкое существование, и что всякий покой, даруемый нам определенными плодами пытливого разума, есть лишь грезы отчаяния, расписывающие стены нашей темницы яркими образами и светлыми далями, — все это, дорогой мой Вильгельм, затворяет мои уста. Я возвращаюсь в себя и нахожу там иной мир! Опять же призрачный, рисуемый мне скорее смутным чувством и темною жаждою, нежели зримо-осязаемый и полный живой силы. И все расплывается перед внутренним моим взором, и я, улыбаясь, словно во сне, вновь обращаю его на мир здешний.

Все высокоученые школьные и домашние учителя согласны в том, что дети не ведают природы своих желаний. Однако мало кто верит в то, что взрослые не далеко ушли от детей, что они столь же беспомощно блуждают в потемках и немногим более могут поведать о том, откуда пришли и куда идут, а поступки их столь же мало сообразуются с благими целями и что управляют ими в той же мере посредством кнута и пряника. Мне же представляется, что истины более очевидной и не придумать.

Памятуй твоё мнение на сей счет, осмелюсь доложить тебе: счастливы те из них, что, подобно детям, живут нынешним днем, возятся со своими куклами, наряжают и переодевают их, с большою опаскою и меньшим вожделением ходят вокруг буфета, в коем матушка заперла сласти, а получив наконец желаемое, уплетают лакомства за обе щеки и требуют еще. Счастливые

создания! Блаженны и те, кои жалкие, презренные занятия свои или паче чаяния страсти наделяют благозвучными именами и выдают оные за неслыханные подвиги во имя пользы и спасения человечества. Благо тому, кто может быть таким! Тот же, кто в смирении своем зрит тщету сих многообразных ухищрений; кто видит, как всякий довольный своим уделом бюргер посредством ножниц искусно обращает в рай свой садик и как невозмутимо влачит свое бремя, кряхтя и отдуваясь, несчастливец и все в равной мере желают продлить удовольствие видеть свет солнца хотя бы на одну лишь минуту, — тот безмолвствует и творит свой мир в себе самом и тоже счастлив тем, что он — человек. И как бы ни был он ограничен обстоятельствами и условиями, он все ж питает в сердце своем сладостное чувство свободы и сознание того, что в любой миг может покинуть свою темницу.

26 мая

Ты знаешь мое свойство с легкостью приживаться на новом месте, мое умение найти приют где-нибудь в укромном уголке и жить, довольствуясь самым необходимым. Отыскал я такое местечко и здесь.

В часе пути от города, на живописном холме находится деревушка, называемая Вальгеймом¹. Месторасположение ее весьма примечательно; поднявшись по тропе наверх, вдруг увидишь всю долину. Приветливая хозяйка, довольно ловкая и расторопная для своего возраста, угощает вином, пивом, кофе; более же всего радуют меня здесь две раскидистые липы, осеняющие густыми ветвями своими маленькую площадь перед

¹ Читатель может не утруждать себя поисками названных здесь мест: мы почли за необходимость изменить встречающиеся в оригинале подлинные имена и названия. (Примеч. автора.)

церковью, вокруг которой теснятся крестьянские дома, сараи и дворы. Более уютного, более отрадного для глаз уголка не встречал я давно. Велев вынести под липы мой столик и стул, я пью кофе и читаю своего Гомера.

Когда я впервые случайно забрел сюда и очутился под липами, деревушка, объятая послеполуденной тишиною, казалась вымершей. Все трудились в поле; один лишь мальчуган лет четырех сидел на земле, прижимая к груди другого малыша, полугодовалого младенца, сидевшего у него между ног, служа ему как бы креслом. Тот, несмотря на живость своих черных глаз, сидел покойно. Я нашел сию картину весьма занятой и, присев на плуг, стоявший напротив, с превеликим удовольствием запечатлел сцену братских объятий. Затем присовокупил я к изображенному ближайшую ограду, ворота сарая и несколько сломанных тележных колес, все как было, без всяких прикрас и перемещений, и по прошествии часа обнаружил, что у меня вышел очень недурной, ладный и интересный рисунок, к коему не прибавил я решительно ничего от себя. Это утвердило меня в моем намерении держаться впредь только природы. Лишь натура, лишь природа бесконечно богата, лишь она одна создает великого художника. Можно многое сказать в защиту правил и законов искусства, приблизительно то же, что говорится в защиту общественных правил. Художник, воспитанный сообразно правилам, никогда не создаст ничего дурного и пошлого, подобно тому как человек, сложившийся под влиянием законов и правил благопристойности, никогда не станет несносным соседом или записным злодеем; однако ж, с другой стороны, что бы мне ни говорили, правила неминуемо убьют подлинное чувство природы и подлинную выразительность! Ты скажешь: «Чересчур категоричное суждение! Они лишь ограждают, подрезывают своевольную лозу» и т. п. Друг мой, позволь мне прибегнуть к сравнению. Тут все обстоит так же, как с любовью. Вообрази

юношу, питающего нежную привязанность к девушке, который проводит всякий день у ее ног, щедро расточает свои силы, ежеминутно выражая ей свою беззаветную преданность. И тут является некий филистер, человек, состоящий в статской службе и облеченный чинами, и говорит ему: «Милостивый государь! Любовь свойственна человеку, однако ж и любить должно по-человечески! Разделите ваши часы между трудом и досугом и посвящайте последний вашей избраннице. Сочтите ваше имение, и на то, что останется вам от расходов на насущные нужды, не возбраняется вам делать ей время от времени подарки, однако не часто, а лишь ко дню рождения, именинам и т. п.». Последует юноша доброму совету, выйдет из него толк, и я первый рекомендовал бы любому князю усадить его в одну из коллегий. Вот только с любовью его было бы покончено, а если он художник, то с живописью. О, друзья мои! Отчего гений столь редко вырывается на волю из плена своей брэнной оболочки, столь редко изливается бурным сверкающим потоком, потрясая ваши смущенные души? Друзья мои, да оттого, что по обоим берегам сего потока живут невозмутимые господа, которых беседки, клумбы с тюльпанами и грядки с овощами погибли бы и которые посему заблаговременно возводят запруды и роют каналы, дабы отвратить грозящую опасность.

27 мая

За своими восторгами, патетическими излияниями и сравнениями я забыл рассказать тебе, чем закончилась история с детьми. Погруженный в своих раздумьях о судьбах искусства, кои изложил я тебе в предыдущем послании довольно беспорядочно, просидел я на упомянутом плуге добрых два часа. Наконец под вечер явилась молодая женщина с корзинкою на руке и, направ-

ляясь к малышам, которые во все время не двинулись с места, еще издали крикнула:

— Филипс! Ай да молодец!

Мы поздоровались, я встал, подошел ближе и осведомился, ее ли это дети. Она ответила утвердительно и, дав старшему кусок булки, взяла на руки младенца и расцеловала его со всею возможною материнскою нежностью.

— Я оставила Филиппа с малышом, — сказала она, — а сама с старшим сыном пошла в город купить белого хлеба, сахару и глиняную миску для каши. — Все это увидел я в ее корзинке, крышка которой откинулась. — Сварю Гансу (так звали младшего) вечером супчику. Мой старшенький, сорванец этакий, разбил вчера миску, не поделив с Филиппом корочки на дне.

Я спросил, где же старший, и едва она успела ответить, что он гоняет на лугу гусей, как тот прибежал вприпрыжку и вручил брату ореховый прутик. Продолжая беседовать с женщиной, я узнал, что она дочка деревенского учителя и что муж ее отправился в Швейцарию за наследством, оставшимся после смерти сродственника.

— Они хотели обойти его, — пояснила она, — и не отвечали на его письма, вот он и поехал. Боюсь, как бы не случилась с ним какая-нибудь беда: нет от него никаких вестей.

Насилу распрощавшись с нею, я подарил каждому из мальчуганов по крейцеру, вручил матери монету и для маленького, наказав принести ему в следующий раз из города булку к супу. На том мы и расстались.

Скажу тебе, бесценный друг мой: когда чувства распирают мне грудь и рвутся наружу, нет лучшего средства усмирить сей бунт, нежели зрелище подобного существа, шествующего с счастливою невозмутимостью по узкому кругу своего бытия, терпеливо преодолевающего день за днем и при виде облетающей листы ни

о чем не помышляющего, кроме того, что она есть предвестник зимы.

С того дня я часто бываю там. Дети привыкли ко мне, я балую их сахаром, когда пью кофе, и делю с ними по вечерам свои бутерброды и простоквашу. По воскресным дням они неизменно получают свои крейцеры; если же меня нет после обедни, то монеты передает им по моему наказу хозяйка харчевни.

Они совершенно освоились со мною, доверчиво рассказывают мне обо всем на свете, особенно же меня забавляют их маленькие страсти и бурные проявления простодушных желаний, когда к ним присоединяются другие дети из деревни.

Немалых усилий стоило мне уверить их мать, что они вовсе не докучают мне своею дружбой.

30 мая

То, что я давеча говорил о живописи, несомненно, касается и поэзии; надобно лишь распознать совершенство и дерзнуть выразить его, однако ж этим немногим сказано многое. Сегодня случилось мне наблюдать сцену, которая, спиши ее с натуры в чистом виде, являла бы собою прекраснейшую идиллию. Но к чему все это? «Поэзия», «сцена», «идиллия»! Неужто всякий раз при виде замечательного явления жизни или природы нам непременно надобно хвататься за перо, ваяло или кисть?

Если за этим вступлением ты надеешься найти повествование о материях высоких и тонких, то вновь будешь жестоко обманут: речь пойдет всего лишь о простом крестьянском парне, вызвавшем во мне живейшее участие. Я, по обыкновению, окажусь никудышным рассказчиком, ты же, вероятно, по обыкновению, сочтешь мой рассказ преувеличением; а источником сей удивительной истории вновь стал Вальгейм, все тот же загадочный Вальгейм.

Небольшая компания устроилась под липами пить кофе. Поскольку мне она была не совсем по душе, я под благовидным предлогом остался за своим столиком.

Из ближайшего дома вышел молодой крестьянин и занялся починкою плуга, который я несколько дней тому назад рисовал. Его наружность располагала к себе, и я заговорил с ним, расспросил о его житье-бытье; мы познакомились и, как это часто бывает у меня с людьми такого склада, подружились. Он рассказал мне, что состоит в работниках у одной вдовы и что очень доволен своею хозяйкой. Из того, как много он о ней рассказывал и как усердно ее хвалил, скоро заключил я, что он предан ей душой и телом. Она уже не молода, сказал он, покойный муж сильно обижал ее, и потому она не желает больше выходить замуж; из рассказа же его отчетливо явствовало, как хороша она собою в его глазах, как желанна она ему, как он мечтает, чтобы она согласилась выйти за него, надеясь изгладить в ее памяти печальные воспоминания о первом замужестве. Мне пришлось бы повторить все слово в слово, чтобы живописать тебе чистое, бескорыстное чувство этого парня, его любовь и верность. Да, мне понадобился бы величайший поэтический дар, чтобы вместе достоверно передать тебе и выразительность его жестов, гармонию его голоса, затаенный огонь в его глазах. Увы, словами не высказать той нежности, которая сквозила во всем его облике; что бы ни говорил я, все выходило бы неуклюже и пошло. Особенно тронули меня его опасения, что я могу превратно истолковать его отношение к ней и усомниться в ее добропорядочности. Мне ни за что не донести до тебя всей прелести его описаний наружности вдовы, ее стана, столь пленительного для него, даже несмотря на то, что он уже утратил былую гибкость и притягательность. Никогда еще не встречал я в своей жизни — и даже помыслить и вообразить себе не мог — столь жаркой страсти и столь жгучего вожделения

в сочетании со столь удивительной чистотой. Не спеши бранить меня, если я скажу тебе, что при одном только воспоминании об этой целомудренности и искренности у меня горит душа и меня теперь повсюду преследует этот образ верности и любви и что я сам, точно воспламенившись от нее, томлюсь и изнываю от тоски.

Теперь мне хотелось бы поскорее увидеть и ее; а впрочем, по некотором размышлении, мне следовало бы, напротив, избежать встречи с нею. Лучше видеть ее влюбленными глазами этого парня, ибо своими глазами я, быть может, увижу ее совсем иною, нежели представляется она сейчас моему внутреннему взору; зачем же мне портить прекрасный образ?

16 июня

Отчего я не пишу тебе? И ты вопрошаешь меня о том, слывя ученым мужем? Ты мог бы и сам догадаться, что я здоров и всем доволен, и даже... словом — я свел одно знакомство, которое мне очень дорого. Сдается мне, что я... Право, не знаю...

Рассказывать тебе по порядку, как все случилось, как повстречал я это пленительнейшее создание, я решительно не в силах. Я весел и счастлив и, стало быть, не гожусь в историографы.

Сказать ли «ангел»? Тьфу! То же говорят и другие о своих возлюбленных, не правда ли? Однако я не в силах передать и изъяснить тебе ее совершенство; довольно и того, что она завладела всеми моими чувствами и помыслами.

Какое поразительное сочетание простодушия и ума, доброты и твердости, душевного покоя и деятельной природы, живущей полною мерою!

Все, что я говорю о ней, — не более чем жалкая, гадкая болтовня, убогие абстракции, не отражающие ни единой черты ее существа. В другой раз — нет, не

в другой, а непременно теперь, сейчас расскажу я тебе о ней все. Не сделаю я этого сию же минуту, значит не сделаю уж никогда. Ибо, между нами говоря, начав писать, я не раз порывался отложить перо, велеть оседлать моего коня и ускакать прочь. И хотя я поклялся себе утром не ездить туда нынче, я то и дело подхожу к окну, чтобы посмотреть, не клонится ли солнце к закату.

Я все же не совладал с собою и ускакал к ней. И вот я вернулся, дорогой Вильгельм, и за поздней своей скромной трапезою вновь пишу к тебе. Какое блаженство — видеть ее в кругу резвых пригожих детей, ее восьми братьев и сестер!

Однако если я продолжу в том же духе, ты в конце моего рассказа будешь знать не более, чем в начале. Слушай же, ибо я намерен принудить себя войти наконец в подробности.

Недавно писал я тебе, что познакомился с амтманом С. и что он просил меня вскоре быть его гостем в его уединенной обители или, вернее, в его маленьком королевстве. Я не торопился исполнить его просьбу и, может быть, вовсе не собрался бы нанести этот визит, если бы не счастливый случай, открывший мне сокровище, таившееся в этом тихом уголке природы.

Здесьняя молодежь положила устроить загородный бал, на котором я с охотою изъявил готовность присутствовать. Я напросился в кавалеры к одной милой, хорошенькой, хотя и ничем не примечательной барышне, и мы условились, что я найму карету и мы с нею и ее кузиной отправимся к месту увеселения, а по дороге заедем за Шарлоттой С.

— Сейчас вы увидите настоящую красавицу, — сказала моя спутница, когда мы ехали к охотничьему замку широкой лесной просекой.

— Берегитесь же, — прибавила ее кузина. — Не вздумайте влюбиться.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. В. Стадников. Гёте и его роман «Страдания юного Вертера»</i>	5
--	---

СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА

Книга первая	37
Книга вторая	103
Примечания. <i>Г. В. Стадников</i>	182

Гёте И. В.

Г 44 Страдания юного Вертера : роман / Иоганн Вольфганг Гёте ; пер. с нем. Р. Эйвадиса. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 192 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-09309-6

В книгу вошло классическое произведение европейского сентиментализма — роман Иоганна Вольфганга Гёте «Страдания юного Вертера», в котором отразился личный любовно-психологический опыт автора. Трагическая история молодого бюргера, не нашедшего ответа на свое чувство и отвергнутого обществом, была мгновенно переведена на другие языки и породила череду продолжений и подражаний — так называемую вертериану. Со временем «Вертер, мученик мятежный» стал одним из «вечных образов» мировой литературы и ввел в европейскую культуру социопсихологический феномен «вертеризма», связанный с меланхолическим умонастроением и проблемой самоубийства как высшего проявления свободы воли.

В настоящем издании представлен перевод романа, выполненный известным переводчиком Романом Семеновичем Эйвадисом.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ
СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Терскова, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.12.2018.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 8,46. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-17330-06-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/